



УДК 81'42

**КОГНИТИВНЫЕ АСПЕКТЫ АППЕРЦЕПЦИИ ПАМЯТИ<sup>1</sup>****Е.Г. Озерова,  
Н.В. Попиль***Белгородский  
государственный  
национальный  
исследовательский  
университет**e-mail: Ozerova@bsu.edu.ru*

В статье рассматриваются апперцептивные истоки концепта «Память» на материале прозаических текстов И.А. Бунина и А.И. Куприна. Апперцепция понимается как вторичное чувственное восприятие действительности, которое объясняется и дополняется запасом других восприятий и возникает на основе ранее полученных сведений о данной действительности. Память репрезентирует сложное явление апперцепции и трансформируется, дополняя обновлённое восприятие различными индивидуально-чувственными номинациями.

Ключевые слова: концепт, память, апперцепция, чувственное восприятие, апперцептивная номинация.

**Введение**

В качестве предмета исследования выступает апперцептивное поле концепта «Память» в прозаических текстах И.А. Бунина и А.И. Куприна.

Семиотическую природу памяти, в том числе языковой, разрабатывали исследователи различных школ и направлений:

К. Леви-Стросс [1], описавший многообразие культур, межкультурные отношения;

Р. Барт [2], поставивший вопрос о необходимости семиотической интерпретации культурно-социальных явлений;

М. Фуко [3], рассматривавший феномен культуры в свете дискурсивной деятельности человека;

Ж. Деррида [4], обосновавший теорию культурной памяти в преломлении эволюции лексического значения.

Характеризуя модель дискурса, Т. ван Дейк выделяет коммуникативное событие в качестве сложного взаимодействия языковой формы, значения и действия. Исследователь рассматривает дискурс как «размытую категорию», что объясняется, по мнению автора, двумя факторами: (а) историей формирования дискурса, в процессе которого в семантической памяти народа лексической семантикой кодируются признаки прежних подходов и употреблений; (б) полной неопределённостью места дискурса в системе категорий и модусов существования языка [5, с. 46]. Особенно рельефно семантическая память лексемы проявляется в дискурсе художественного текста, так как именно воспоминание через призму чувственного восприятия порождает лирическую архитектуру произведения.

Американский психолог Ф. Бартлетт [6] обнаружил, что при вербализации прошлого опыта люди регулярно пользуются стереотипными представлениями о действительности. Воспоминание, отмечает психолог, – это не повторное воспроизведение, а творческая реконструкция, желание заново пережить то, что когда-то было ощущением.

Среди отечественных исследований неопределимо значение работ Б.М. Гаспарова о триаде язык – память – образ, Ю.М. Лотмана об особенностях культурной памяти в ракурсе семиосферы, О.Г. Ревзиной о памяти и языке как врожденных когнитивных способностях человека.

Память, по мнению Н.Г. Брагиной, концептуализируется в языке подобно произведению живописи, на что указывает, в частности, смысловая близость предикатов *вспомнить* и *вообразить*. Именно **память преобразует прошлое в образы**.

<sup>1</sup> Исследование выполнено в рамках Государственного задания НИУ БелГУ (код проекта № 241).



В языковом пространстве памяти деятельность сознания передаётся через творческую трансформацию обыденных образов, являющихся, по Э. Кассиреру, продуктами памяти [7, с. 140]. *Образная память* (в отличие от *логической памяти*) «отвечает» не столько за понимание прошлого, сколько за восприятие [8, с. 127]. Восприятие дискурса художественного текста в качестве психического процесса, который включает осмысление и работу памяти, составляет взаимосвязанную перцептивно-мнемоническую деятельность как единство актуального, процессуального и результативного уровня получаемой информации, которая в субъективно-оценочной обработке соотносит эту информацию с прошлым, как правило, чувственным опытом.

Функции памяти Ф. Бартлетт рассматривает в аспекте культуры, а язык, по мнению Н.Ф. Алефиренко, связан с культурой и содержательно, и формально [9, с. 31]. Предыдущий языковой опыт, отмечает Б.М. Гаспаров, можно рассматривать в качестве гигантского мнемонического конгломерата, в котором фрагменты языковой ткани не лежат в памяти неподвижно как постоянные единицы хранения, условия их существования в языковом сознании говорящего проходят токи ассимилятивных и ассоциативных взаимодействий. Существование каждого фрагмента в конгломерате языковой памяти дискурса художественного текста неустойчиво и релятивно, а смысловые очертания подвержены изменениям.

Культурная память является связующим звеном в совмещении логических структур психики человека и эстетических чувств, заключая сознательное и бессознательное в процесс создания художественного текста. «В механизм включается память, которая позволяет вновь вернуться к моменту, предшествовавшему взрыву, и ещё раз, уже ретроспективно, разыграть весь процесс. Теперь в сознании будет как бы три пласта: момент первичного взрыва, момент его редактирования в механизмах сознания и момент нового удвоения их уже в структуре памяти. Последний пласт представляет собой основу механизма искусства» [10, с. 129].

В когнитивной психологии память исследуется как проявление личности. В качестве субъекта внутреннего мира человека рассматривает память и Н.Г. Брагина, которая отмечает, что память выступает как артефакт, «Я человека является субъектом, как владельцем, хозяином собственной памяти. Я человека контролирует, конструирует собственную память, то есть производит со своей памятью осознанные манипуляции» [8, с. 49], что и воплощается в языке художественного текста.

### Основная часть

Память как концептуально обусловленная лексическая единица имеет ментальные, национально-культурные и индивидуальные особенности. Именно эти аспекты памяти особенно ярко проявляются в художественных текстах, так как, попадая в контекст, языковая репрезентация памяти на основе уже сложившейся у читателя образной картины мира получает эмоциональную, экспрессивную, оценочную окрашенность и отражается посредством вербализации этнокультурной и авторской коннотации, обусловленной вторичными переживаниями субъективно значимых фрагментов действительности.

Ср.: *Я помню, что слово «муравейные» нам особенно нравилось, напоминая муравьёв в кочке. Мы даже устроили игру в муравейные братья, которая состояла в том, что садились под стулья, загораживали их ящиками, завешивали платками и сидели там в темноте, прижимаясь друг к другу* (И.А. Бунин. Освобождение Толстого (1937)).

В данном случае память интерпретируется как субъективное воспоминание, связанное с детством – с детской игрой «муравейные братья».

Когнитивная пропозиция обусловлена общеизвестным эпизодом из биографии Л.Н. Толстого, который в возрасте пяти лет создал игру в «муравейных братьев» и историю о зеленой палочке, которая может сделать всех людей счастливыми «и все будут любить друг друга, все сделаются муравейными братьями». В последующем эта игра для Л.Н. Толстого стала жизненной философией: жить честно – значит прежде всего



жить не для себя одного, а для людей, для их блага и счастья; а идеал «муравьиных» братьев – братства людей всего мира.

Концептуализация памяти в анализируемом тексте достигается при помощи дериватов: *помнить, напоминать; муравейный, муравьи*, а также проводимых автором смысловых параллелей между словом «муравейные» и сочетаниями «муравьи в кочке», «муравейные братья», соединительным звеном которых является внутренняя форма корня. Игра «в муравейных братьев» ассоциируется у героя с жизнью самих муравьёв в муравейнике: *«садились под ступля, загораживали их ящичками, завешивали платками и сидели там в темноте, прижимаясь друг к другу»*. В этом контексте «память» репрезентируется посредством сравнений, конструируемых на основе чувственных, индивидуальных образов автора («слово «муравейные» нам особенно нравилось, напоминая муравьёв в кочке»).

Художественный текст – это всегда диалог, диалог между читателем и автором. Коммуникативно-прагматическая природа текста позволяет памяти, концептуально обусловленной контекстом, апперцептироваться, то есть восприниматься на основе чувств, переживаний и впечатлений.

Слово, по мнению А.А. Потебни, есть настолько средство понимать другого, насколько оно средство понимать самого себя. Сила человеческой мысли не в том, что слово вызывает в сознании прежние восприятия, это, подчёркивает автор, можно и без слов, а в том, как именно оно заставляет человека пользоваться сокровищами своего прошлого [11, с. 122]. Автор отмечает, что при создании слова, а равно и в процессе речи и понимания, происходящем по одним законам с созданием, полученное уже впечатление подвергается новым изменениям, как бы вторично воспринимается, то есть апперцепируется [11, с. 99].

На сегодняшний день явление апперцепции менее всего рассмотрено в ракурсе лингвистических исследований. Это обусловлено тем фактом, что долгое время апперцепция являлась областью изучения психологии, нежели лингвистики.

Анализ прозаических текстов позволяет расширить представление о процессах восприятия и о способах вербализации их в языке: «в содержательно-концептуальном плане художественный текст несёт на себе печать как неповторимого эстетического осмысления окружающего мира конкретной авторской личностью с её особыми целями и мотивами, культурологическим тезаурусом и выражающими их ассоциациями, так и соотносённости с культурными константами, с поэтической картиной мира в её текстовом воплощении» [12, с. 32].

В Большой советской энциклопедии апперцепция трактуется как «одно из фундаментальных свойств психики человека, выражающееся в обусловленности восприятия предметов и явлений внешнего мира и осознания этого восприятия особенностями общего содержания психической жизни как целого, запасом знаний и конкретным состоянием личности» [13, с. 228].

Термин «апперцепция» впервые ввёл Г. Лейбниц, который обозначал этим термином процесс от осознания до сознания впечатления; следовательно, изначально понятие апперцепции трактовалось как переход чувственного, неосознанного впечатления в рациональное, осознанное восприятие. Впоследствии И. Кант пришёл к пониманию того, что «деятельность рассудка синтезирует атомарные элементы чувственности, благодаря чему восприятие всегда обладает некоторой целостностью», поэтому актуальным для обозначения связи и единства представлений в сознании автору представляется номинация «синтетическое единство апперцепции», тем самым И. Кант подчёркивает единство процесса осознания. На уровне чувственности такое единство обеспечивается рассудком, который есть «... способность а priori связывать и подводить многообразное содержание данных представления под единство апперцепции» [14, с. 193]. Совокупность имеющихся представлений Кант назвал трансцендентальной апперцепцией. Через понятие апперцепции в XIX в. И.Ф. Герbart объяснял обусловленность содержания нового представления запасом уже имеющихся представлений, В. Вундт, благодаря которому понятие ап-



перцепции получило широкое распространение в психологии, объединил в нём все три аспекта: осознание воспринятого, его целостность и его зависимость от прежнего опыта. С помощью апперцепции он пытался объяснить избирательный характер сознания и поведения.

Под апперцепцией мы будем понимать вторичное чувственное восприятие (или ряд таких восприятий) какой-либо действительности, которое, во-первых, непременно объясняется и дополняется запасом других восприятий; во-вторых, возникает на основе ранее полученных сведений о данной действительности.

Прозаические тексты И.А. Бунина и А.И. Куприна – это определённый временной пласт, который отражает ментальную и культурную ступень прошлого, его специфику восприятия реальности, так как «... главное здесь то, что воспроизведённый временной объект, если можно так сказать, не основывается более на восприятии. Он отделился от него. Он в самом деле остался в прошлом. И тем не менее он присоединяется, следует за настоящим, как хвост кометы» [15, с. 61], поэтому и когнитивное пространство концепта «Память» в произведениях этих авторов представлено иначе, чем если бы это были тексты произведений современных писателей.

Ср.: *Что же касается до того, что я «молокосос», то из этого только следует то, что эти чувства более доступны «молокососу», так как моя душа ещё молода и, следовательно, более чиста. Да и к тому же я пишу совсем не для суда других, совсем не хочу открывать эти чувства другим, а для того, чтобы удержать в душе эти напевы. Пронесутся года. Заблестит седина на моих волосах, но об этих блаженных часах память сердце моё сохранит...* (И.А. Бунин. Дневники).

Элементарной когнитивной единицей событийных структур является концепт – оперативная единица ментальных или психических ресурсов нашего сознания, «содержательная единица памяти, ментального лексикона, концептуальной системы и языка мозга» [16, с. 90]. В данном контексте концепт «Память» апперцептируется как «блаженные часы», «напевы в душе», «молодая чистая душа», «седина на волосах», «блаженные часы».

Вербализация апперцепции концепта «Память» в данном контексте также достигается посредством метафорических словосочетаний: «пронесутся года», «заблестит седина», «сердце сохранит память», а также образных сочетаний, репрезентирующих авторский идиостиль: «пишу не для суда других», «не хочу открывать чувства другим», «удержать в душе напевы».

Такая репрезентация памяти не только проявляет себя как концепт, но и апперцептируется, то есть объясняется, понимается как *детство, старость, время* и может выражаться с помощью лексем: *молокосос, молодой, годы, седина, блаженные часы*, входящих в состав метафорических словосочетаний и апперцептивных номинаций [17, с. 25] («Душа еще молода», «но об этих блаженных часах память сердце мое сохранит»).

*Все! Она открыла глаза, с трудом перевела дух и, обратив смеющееся, подвижное лицо к Ромашову, спросила: – Хорошо? – Черт, какая память! – завистливо, но с восхищением произнес Николаев, углубляясь в свои тетрадки* (А.И. Куприн. Поединок (1905)).

В данном контексте концепт «Память» апперцептируется как «память – восхищение», а вербализация данной апперцепции достигается семантически схожими конструкциями («с трудом перевела дух» – «с восхищением»), являющимися результатом эмоционально-индивидуальных рефлексий; восклицательными, интонационно утвердительными предложениями («Все!», «Черт, какая память!»), которые и придают тексту эмоционально-экспрессивную окрашенность.

Отметим, что данные предложения и конструкции таких предложений имплицитно репрезентируют наивысшую степень проявления восхищения и удивления от того, что ранее казалось понятным, обыденным и естественным.

Ср.: – *Ну, так вот, на тебе, береги на память и помни мою любовь. А теперь надевай китель и айда в собрание* (А. И. Куприн. Поединок (1905)).

*Я покачал головой. – Друг – это тоже большое счастье. Я не верю, чтобы у человека могло быть больше одного друга. Сколько же у тебя, Мария, друзей, если ты раздала на память около пятидесяти панно (А.И. Куприн. Колесо времени (1929)).*

В данных контекстах апперцепция концепта «Память» репрезентируется посредством проводимых семантических параллелей («память – помнить – беречь», «память – друг – счастье», «память – друзья – панно»); словосочетаний, входящих в состав фразеологизмов и авторских высказываний («береги на память», «помни мою любовь», «раздала на память»), способствующих материализации памяти, «...материальный след весь целиком пребывает в настоящем и для того чтобы обозначить, что он есть образ прошлого, его необходимо наделить семиотическим измерением» [15, с. 598].

Смысловые вариации *память – друг, помнить – беречь* трансформируют общую картину контекста и апперцептируют память в чувство счастья и любви, восторга и удивления («*Друг – это тоже большое счастье*», «*Сколько же у тебя, Мария, друзей, если ты раздала на память около пятидесяти панно*», «*береги на память и помни мою любовь*»). Как уже отмечалось, любая семиотическая система служит своеобразным «языком» или, точнее, кодом хранения информации в нашей памяти и ее декодирования в процессе речевого общения, то есть передачи информации.

Следовательно, смысл порождается автором текста, контекст создаёт коннотативное поле и трансформируется в чувственное восприятие.

Апперцепция памяти моделируется на основе деривационной структуры концепта («любить, любовь, любил»); антонимических рядов («любить – ненавидеть»), а также контекстуальных синонимических рядов («покой – семья – любовь», «любить – уважать», «любовь» – «отрава»).

*А теперь я жалкая институтская таперша, и где же! В том самом проклятом городе, который я всегда так ненавидела! Разве я не могла бы и теперь еще найти человека, который дал бы мне покой, семью и любил и уважал бы меня? Но **память о нашей любви...** Стрешнев закурил и стал отвечать медленно, разделяя слова: – Веря, мы, дворянское отродье, не умеем просто любить. Это отравя для нас (И.А. Бунин. Последнее свидание (1912)).*

Такое прекрасное чувство как любовь, в силу разного социального положения героев, воспринимается ими по-разному: для Веры любовь – это покой, семья, уважение, а для Стрешнева – это «отрава», то есть герои апперцептируют память о любви совершенно противоположно. Апперцептируемый концепт памяти репрезентируется и дополняется чувственным восприятием сожаления, разочарования, обречённости, ностальгией по давно минувшим дням.

*– И лошади нету? – Продали. Танька раскрыла глаза. Продажа лошади особенно **врезалась ей в память.** «Когда еще картохи копали», в сухой, ветреный день, мать на поле полудновала, плакала и говорила, что ей «кусок в горло не идёт», и Танька всё смотрела на её горло, не понимая, о чём толк. Потом в большой крепкой телеге с высоким передком приезжали «анчихристы». Оба они были похожи друг на дружку – черны, засалены, подпоясаны по кострецам. За ними пришёл ещё один, ещё чернее, с палкой в руке, что-то громко кричал а, немного погодя, вывел со двора лошадь и побежал с нею по выгону, за ним бежал отец, и Танька думала, что он погнался отнимать лошадь, догнал и опять увёл её во двор (И.А. Бунин. Танька (1892)).*

Пережитые героиней в момент воспоминания чувства: горе, тревога, огорчение, утрата, несправедливость, сожаление составляют базис, порождающий возникновение апперцепции – восприятие и переживание по-новому какого-то факта действительности. Эти ощущения буквально прочувствованы и героями, и автором, а впоследствии и читателем, поэтому героине – Таньке – «продажа лошади» не просто запомнилась, она «**особенно врезалась ей в память**», а матери героини вследствие этого «**кусок в горло не идёт**». В данном прозаическом тексте концепт «Память» апперцептирует как «анчихристы», которые «черны и засалены», как «лошадь», которую забрали «когда еще картохи копали», как «мать на поле». Общую атмосферу контекста создают соответ-



ствующие эпитеты: «сухой, ветреный день», «большая крепкая телега», «анчихристы – черны, засалены»; глаголы прошедшего времени *говорила, приезжал, пришёл, кричал, вывел, побежал, бежал* вербализируют напряжённость действия и негативную эмоционально-экспрессивную окраску (*продали, плакала, догнал*).

Следовательно, память в рассмотренных прозаических текстах не просто концептуализируется, приобретая различные смысловые и коннотативные вариации, но и проходит более сложные процессы, являющиеся связующим звеном между героем – автором – читателем.

Память репрезентирует сложное явление апперцепции, при котором восприятие прошлой действительности, сохранённой в памяти, трансформируется, дополняя обновлённое восприятие различными индивидуально-чувственными номинациями. Отражение апперцептивных установок эксплицируется в прозаическом тексте, где «действительность воспроизводится не столько изображением объективных явлений, сколько изображением субъективных переживаний, вызванных какими-либо явлениями жизни» [18, с. 83].

Таким образом, память в прозаическом тексте обнаруживает следующие уровни апперцепции:

- 1) воспринимается сознанием и дополняется совокупностью чувственных воспоминаний-ассоциаций;
- 2) порождает апперцептивную номинацию на основе уже имеющегося знания.

### Заключение

Поскольку память как концептуально обусловленная лексическая единица имеет ряд специфических особенностей, которые наиболее ярко проявляются в художественных текстах, языковая репрезентация памяти в прозаических текстах И.А. Бунина и А.И. Куприна получает эмоциональную, экспрессивную, оценочную окрашенность и отражается посредством вербализации этнокультурной и авторской коннотации, обусловленной вторичным чувственным восприятием действительности.

Концептуально обусловленная контекстом память в процессе речи и понимания, во-первых, воспринимается на основе чувств, переживаний и впечатлений, а, во-вторых, подвергается новым изменениям, то есть апперцептируется.

Прозаические тексты И.А. Бунина и А.И. Куприна – это определённый временной пласт, который отражает ментальную и культурную ступень прошлого, его специфику восприятия реальности, так как «... главное здесь то, что воспроизведённый временной объект, если можно так сказать, не основывается более на восприятии. Он отделился от него. Он в самом деле остался в прошлом. И тем не менее он присоединяется, следует за настоящим, как хвост кометы» [17, с. 61], поэтому и когнитивное пространство концепта «Память» в произведениях этих авторов представлено иначе, чем если бы это были тексты произведений современных писателей.

Следовательно, смысл, порождённый автором текста, трансформируется в контексте в чувственное восприятие, создавая тем самым не только коннотативное, но и апперцептивное поля.

### Список литературы

1. Леви-Стросс, К. Структурная антропология / К. Леви-Стросс – М.: Наука, 1983. – 535 с.
2. Барт, Р. Избранные работы: Семиотика. Поэтика / Р. Барт – М.: «Прогресс», «Универс», 1989. – 615 с.
3. Фуко, М. Археология знания / М. Фуко – Киев: Ника-Центр, 1996. – 208 с.
4. Деррида, Ж. Письмо и различие / Ж. Деррида – СПб.: Изд-во: Акад. проспект, 2000. – 432 с.
5. Дейк ван, Т.А. Язык. Познание. Коммуникация / Т.А. ван Дейк – М.: Прогресс, 1989. – 307 с.
6. Бартлетт, Ф.Ч. Психика человека в труде и игре / Ф.Ч. Бартлетт – М.: Изд-во АПН РСФСР, 1959. – 142 с.
7. Кассирер, Э. Философия символических форм / Э. Кассирер – Т. 3. Феноменология познания. – М.; СПб.: Университетская книга, 2002. – 398 с.



8. Брагина, Н.Г. Память в языке и культуре / Н.Г. Брагина – М.: Языки славянских культур, 2007. – 520 с.
9. Алефиренко, Н.Ф. «Живое» слово: Проблемы функциональной лексикологии / Н.Ф. Алефиренко – М.: Флинта: Наука, 2009. – 344 с.
10. Лотман, Ю.М. Семиосфера. – С.-Петербург: Искусство / Ю.М. Лотман – СПб, 2000. – 704 с.
11. Потебня, А.А. Полное собрание трудов: Мысль и язык / А.А. Потебня – М.: Издательство «Лабиринт», 1999. – 300 с.
12. Болотнова, Н.С. Филологический анализ текста / Н.С. Болотнова – Ч. I. – Томск: Изд-во ТГПУ, 2005. – 272 с.
13. Большая советская энциклопедия: в 30 т. / гл. ред. А.М. Прохоров. 3-е изд. – М.: Советская энциклопедия, 1969-1978.
14. Кант, И. Собрание сочинений / И. Кант – Т. 6. – М.: Мысль, 1996: – 486 с.
15. Рикёр, П. Память, история, забвение / П. Рикёр – М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.
16. Краткий словарь когнитивных терминов / Е.С. Кубрякова, В.З. Демьянков, Ю.Г. Панкрац, Л.Г. Лузина. – М., 1997. – 245 с.
17. Озерова, Е.Г. Когнитивное пространство апперцептивной номинации в поэтической прозе / Е.Г. Озерова // Вестник Московского государственного областного университета. – М., 2009. – № 4. – С. 24-29.
18. Озерова, Е.Г. Русский лирикопрозаический текст: дискурсивно-когнитивный аспект: монография / Е.Г. Озерова – Белгород: Изд-во НИУ «БелГУ», 2012. – 276 с.

## COGNITIVE ASPECTS OF MEMORY APPERCEPTION

**E. G. Ozerova**  
**N.V. Popil**

*Belgorod State National  
Research University*

*e-mail:*  
*Ozerova@bsu.edu.ru*

This article discusses the apperceptive origins of the concept "Memory" on the prose texts by I.A. Bunin and A.I. Kuprin where reality is not so much the image of objective phenomena, as the image of subjective experiences caused by any event of life. Under apperception, we understand secondary sensory perception (or a series of such perceptions) of any reality that is, firstly, certainly explained and supplemented by reserve of other perceptions; secondly, it bases on previously obtained information about this fact. Memory represents a complex phenomenon of apperception, in which the perception of past reality, saved in memory, transformed, adding an updated perception of the various individual sensory nominations. Memory in the prose text reveals two stages of apperception: 1) perceived by consciousness and complemented by the set of sensory memories- associations; 2) generates apperceptive nomination based on existing knowledge.

Keywords: concept, memory, apperception, sensorial perception, apperceptive nomination.